

«И на подвиг поднимала песня»

Рассказы о песнях,
созданных в 1942 году

(В рамках проекта «Грозный год сорок второй наша память хранит»)

«Вечер на рейде»
Музыка В. Соловьёва-Седого
Слова А. Чуркина

На второй месяц Великой Отечественной войны Ленинград стал прифронтовым городом. Фашистские войска, которым Гитлер приказал во что бы то ни стало овладеть городом на Неве, неся огромные потери, упорно рвались вперёд.

В эти дни многие ленинградцы ушли в ополчение или на строительство оборонительных рубежей. Никто не остался в стороне: рабочие, учёные, студенты, работники искусства – все самоотверженно трудились, чтобы превратить город в несокрушимую крепость.

В один из августовских вечеров в морском порту вместе с другими ленинградцами работал на выгрузке лесоматериалов композитор Василий Соловьёв-Седой. Хотя фронт был совсем недалеко, час выдался сравнительно тихий. Лишь изредка слышались глухие раскаты канонады. На рейде стоял корабль, с которого доносились звуки баяна и грустной, задумчивой песни.

- Мы закончили работу, – вспоминал впоследствии композитор, и долго слушали, как поют моряки. Я слушал и думал о том, что хорошо бы написать песню об этом тихом, чудесном вечере, неожиданно выпавшем на долю людей, которым завтра, может быть, предстояло уйти в опасный поход. И чтобы песня эта звучала так же лирически и задумчиво... Как-то сами собой пришли слова: «Прощай, любимый город!». А потом создалась мелодия. Но не было текста, кроме этих трёх слов.

Своим замыслом Соловьёв-Седой поделился с Александром Чуркиным, и ленинградский поэт написал стихи, которые очень точно отвечали задуманному:

Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.

Композитор показал песню своим товарищам по искусству, и они её дружно... забраковали. Им показалось, что она не в духе времени, что она слишком лирична, грустна для столь грозной поры. Сейчас, дескать, песни нужны иные – призывные, мобилизующие, а здесь и о войне вроде всерьёз не упоминается...

Поэт А. Чуркин

Композитор В. Соловьёв-Седой

Прошло полгода. Весной 1942 года В. Соловьёв-Седой с группой артистов приехал на Калининский фронт. Состоялись встречи с солдатами и, конечно, концертные выступления. Однажды артисты давали концерт под Ржевом. Выступление проходило в землянке, в полутора километрах от передовой. Когда весь репертуар был исчерпан, бойцы попросили спеть что-нибудь «для души». И вот здесь композитор вспомнил о забракованной песне, лирической и грустной... Может быть, попробовать?

- И я запел: «Прощай, любимый город...», – вспоминал Василий Павлович. – Бойцы в землянке, а их было немного, человек тридцать-сорок, со второго куплета начали мне подпевать. И я почувствовал, что песня понравилась, что она дошла до сердец и имеет право на жизнь...

С этого дня песня, как по беспроволочному телеграфу, передавалась из уст в уста, с одного фронта на другой. А когда она прозвучала в эфире в исполнении ансамбля песни Всесоюзного радио, её запела вся страна. Пели моряки и пехотинцы, лётчики и артиллеристы, пели защитники Севастополя по листовке, изданной в осаждённом фашистами городе. Проникла она сквозь вражеское кольцо на место своего рождения – в Ленинград. И не было, кажется, дня, когда её мелодия не звучала по радио в заблокированном городе.

Перелетела песня и через линию фронта. Герой Советского Союза Д. Медведев в своей книге «Это было под Ровно», рассказывая, как партизаны в тылу врага праздновали 25-ю годовщину Октября, пишет: «Праздник закончился концертом партизанской самодеятельности. Началось с хорового пения. “Прощай, любимы город” – эту песню знали все».

Знали её и в других партизанских краях. Звучала она даже в Италии у партизан-антифашистов.

Успех «Вечера на рейде», как стала называться песня, был всеобщим, а имя её автора – широко известным.

- Оказалось, что душевность и даже иногда грусть и печаль могут быть не менее мобилизующими, – продолжал композитор, и не менее нужны бойцам. Вот когда пришёл мой час как композитора, пришла моя певческая интонация, обогащённая народной бедой, народными душевными чувствами, пришла моя тема. Тема солдата на войне, на службе, человека, призванного бескорыстно и честно служить народу.

За создание песен «Играй, мой баян», «Песня мщения» и «Вечер на рейде» В.П. Соловьёву-Седому в 1943 году была присуждена Государственная премия СССР.

«Вечер на рейде»

Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.

Припев:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя:
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян.

«Шумел сурово брянский лес»

Музыка С. Каца
Слова А. Софронова

Композитор С. Кац

Поэт А. Софронов

Осенью 1942 года в штаб Брянского фронта пришла несколько необычная радиограмма: «Оружие у нас есть, в случае чего можно забрать у врага, а вот песню, как трофей, не возьмёшь. Пришлите нам песню». Это писали партизаны брянских лесов.

Политуправление фронта обратилось к поэту Анатолию Софронову и композитору Сигизмунду Кацу с просьбой выполнить партизанский заказ. Для А. Софронова и С. Каца это была не первая совместная творческая работа. Она началась ещё в 1937 году с лихой казачьей песни «Как у дуба старого». С тех пор они написали много песен – героических и шуточных, строевых и лирических, маршеобразных и частушечных. А вот партизанскую песню писать не приходилось. Какой она должна быть? Ведь в походных колоннах партизаны, как известно, не шагают, – следовательно, марш им не подходит, модный в то время песенный вальс в дремучих лесах, окружённых врагами, не станцуешь...

И здесь авторы вспомнили старую народную песню «Ревела буря, дождь шумел» и забытую песню времён Отечественной войны 1812 года «Шумел, гудел пожар московский». В этих эпических песнях была выражена душа народа, патриотизм и мужество русских людей. Так родилось название, а с ним и первые строчки будущего партизанского гимна – «Шумел сурово брянский лес».

Песня сравнительно быстро была написана. Получилась она поистине суровая, широкая, величественная, близкая по духу характеру народных мстителей. Исполнять её можно было вполголоса в лесу, в землянке, у костра. Осталось только проверить, как песня будет звучать в хоре. Но как раз в эти дни неожиданно был получен приказ: композитора С. Каца командировать в распоряжение штаба Брянского фронта для оказания творческой помощи фронтовому ансамблю песни и пляски, а поэта А. Софронова – направить туда же, в штаб фронта как военного корреспондента газеты «Известия». В штабе спецкору «Известий» предложили в канун Октябрьского праздника вылететь к брянским партизанам. Самолёт, который отправлялся в этот опасный рейс, был загружен боеприпасами, продуктами и медикаментами. Туда же приказано было «погрузить» и песню. Это оказалось не так-то просто.

Ведь нот у корреспондента не было, да и вряд ли они ему и пригодились бы; о певце-солисте с аккомпаниатором, конечно, и мечтать не приходилось, а главное – композитор не мог лететь к партизанам, так как в самолёте было только одно место... Перед самым отъездом Кац, огорчённый, что он остался на «Большой земле», несколько раз напевал соавтору мелодию, умоляя его не сбиться с ритма...

Самолёт благополучно пересёк линию фронта и сделал посадку в партизанском крае – на замёрзшем озере Смелиж, что близ города Трубчевска. И вот в ночь на 7 ноября 1942 года на праздничном вечере, в землянке, вырытой в полусожжённой деревне, начальник Брянского штаба объединённых партизанских отрядов А.П. Матвеев объявил: «Вот поэт Софронов, кроме того, что он корреспондент, он ещё привёз песню, которая специально написана для брянских партизан».

- Мне не раз приходилось петь свои песни, – вспоминает поэт, – но, пожалуй, такого волнения, как в ту ночь на 7 ноября, я никогда не испытывал... Я её спел один раз, меня попросили спеть ещё раз, потом в третий раз. Меня обнимали...

А утром слепой баянист «с голоса» разучил мелодию, и пошла песня кочевать от землянки к землянке, от одного отряда к другому. Так в партизанском крае, окружённом со всех сторон врагами, в день 25-й годовщины Октябрьской революции состоялась необычная премьера песни «Шумел сурово Брянский лес».

- После возвращения в Москву, – рассказывал композитор, – мы отдали песню на радио, и она вышла в эфир в великолепном, проникновенном исполнении Г. Абрамова.

После этого песня стала популярной не только у партизан, но и у фронтовиков.

Однако на этом её история не закончилась. Вторая «премьера» состоялась в годовщину освобождения Брянска – 17 сентября 1966 года. В этот день на центральной площади города, на площади Партизан, в торжественной обстановке был открыт величественный монумент – в память о воинах Советской Армии и партизанах, освободивших город от фашистских захватчиков. На постаменте – скульптурная группа партизан, хозяев брянских лесов, и тут же слова:

**Шумел сурово брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест
Как шли с победой партизаны.**

В начале каждого часа на площади звучат куранты: раздаются первые такты популярной песни, которая была грозным оружием в борьбе против фашизма. Этой же песней начинает свои передачи местное радио.

Так, через десятилетия после освобождения Брянска, партизанская песня зазвучала вновь – в музыке и граните.

«Шумел сурово брянский лес»

Шумел сурово брянский лес,
Спускались синие туманы
И сосны слышали окрест,
Как шли...
Как шли на битву партизаны.

Тропюю тайной меж берёз
Спешили дебрями густыми.
И каждый за плечами нёс
Винто...
Винтовку с пулями литыми.

И грозной ночью на врагов,
На штаб фашистский налетели,
И пули звонко меж стволов
В дубра...
В дубравах брянских засвистели.

В лесах врагам спасенья нет.
Летят советские гранаты!
И командир кричит им вслед:
«Громи...
Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли...
Как шли с победой партизаны.

«В землянке»
Музыка К. Листова
Слова А. Суркова

Композитор К. Листов

**Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.**

Кто из бывших фронтовиков не помнит одну из самых известных песен Великой Отечественной войны – «В землянке». Её авторы – поэт Алексей Сурков и композитор Константин Листов.

Когда поэт писал стихотворение «Бьётся в тесной печурке огонь», он не предполагал его публиковать и тем более не думал, что оно может стать песней. Это были несколько стихотворных строчек из письма жене с фронта. Написал их Сурков действительно в землянке, «в белоснежных полях под Москвой», в районе Истры, в конце ноября 1941 года под живым впечатлением очень трудного дня, когда автору – корреспонденту фронтовой газеты – пришлось вместе с штабом одной из гвардейских частей вести тяжёлый бой с гитлеровцами.

В начале 1942 года в столицу проездом с Балтийского флота на Северный на несколько дней заехал К. Листов.

- Я позвонил Алексею Суркову, - рассказывал композитор, - и попросил дать что-нибудь «певческое». В ответ Сурков, характерно окая, сказал: «Костюша, “что-нибудь” – нет. А вот я написал тут один стишок – письмо жене, она в эвакуации. Прочти, может, что получится...». Листов поехал в типографию «Гудок», где в то время размещалась редакция фронтовой газеты «Красноармейская правда». Стихи Суркова захватили его своей лирической силой, искренностью, глубоко отозвались в сердце. Через неделю Листов пришёл в редакцию, попросил гитару и спел только что написанную песню.

- Сотрудник газеты, - продолжал он, - известный ныне писатель Евгений Воробьёв, попросил её оставить. Нотной бумаги у меня не было, и я взял обыкновенный лист бумаги, начертил на нём пять линеек, записал мелодию и ушёл.

Откровенно говоря, композитор не очень был уверен в том, что песня получилась. Казалось, в те дни нужны были песни, зовущие на бой с врагом, а он написал музыку лирическую, немного грустную...

Поэт
А. Сурков

Но композитор ошибался. Песня пошла. В особенности после того, как неожиданно для авторов была напечатана в «Комсомольской правде». Оказывается, Воробьёв отдал в редакцию «Комсомолки», где работал до войны, стихотворение и разлинованный листок с нотными строчками. «Землянка» пользовалась любовью на всех фронтах и особенно у тех воинов, которые воевали под Москвой, кто гнал ненавистного врага от стен родной столицы.

Надо сказать, что поначалу песня вызвала и критические замечания. Некоторым казалось, что строки: «До тебя мне дойти нелегко, а до смерти четыре шага» – упаднические, разоружающие. Высказывались даже пожелания, чтобы эти слова были заменены другими. Но Сурков категорически отказался от переделок.

«О том, что с песней “мудрят”, дознались воюющие люди, – писал в своих воспоминаниях поэт. – В моём беспорядочном армейском архиве есть письмо, подписанное шестью гвардейскими танкистами. Сказав несколько слов по адресу песни и её авторов, танкисты пишут, что слышали, будто кому-то не нравится строчка “до смерти четыре шага”. “Напишите вы для этих людей, что до смерти четыре тысячи английских миль, а нам оставьте так, как есть, – мы-то ведь знаем, сколько шагов до неё, до смерти ”». Так думали фронтовики. И песня исполнялась в первоначальном виде. Ведь, как известно, «из песни слова не выкинешь».

Да, «Землянка» – произведение лирическое, чуть грустное. Но не уныние вызывала она у бойцов, не тоску. Нет, она воодушевляла на подвиг, звучала как вызов врагу, как презрение к смерти. Случалось, что её пели перед атакой, её пели, идя в бой.

Интересный случай приводил в своих воспоминаниях К. Листов. Композитору привелось попасть в Новороссийск сразу же после его освобождения. Здесь ему рассказали, что «Землянка» была любимой песней отряда десантников под командованием Героя Советского Союза Цезаря Куникова. В самые напряжённые минуты боя куниковцы, идя на решающий штурм, кричали: «Пой, гармоника, вьюге назло!».

- Я горжусь тем, – вспоминал народный артист РСФСР К.Я. Листов, – что «Землянка» была бойцом, участвовала в борьбе и помогала победе.

«В землянке»

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

В ЗЕМЛЯНКЕ
Слова А. СУРКОВА Музыка К. ЛИСТОВА

Не скоро, с теплой
Бел... а тесной пе - чур - ке е - го - ни,
В
ИЗ ПО - ле - нях смо - ла, как сло - за.
И по - ет мне в зем - лян - ке гар - монь
Про улы - бку твою и гла - за.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега...
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти - четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Интересные сведения о песне «В землянке»

Памятный знак установлен в 1998 году на месте землянки, в которой в ноябре 1941 года фронтовой корреспондент и поэт Алексей Сурков написал стихи, впоследствии ставшие словами песни "В землянке" Д. Кашино, Истринский район, Московская область.

«Синий платочек»
Музыка Г. Петербургского
Слова М. Максимова и
Я. Галицкого

Певица К. Шульженко

«На эстраду поднялась очень красивая женщина в сверкающем платье и спросила, здесь ли находится боец Мамушкин. Мамушкин смутился и хотел спрятаться. Но его заставили подняться. Актриса обратилась к Мамушкину и сказала, что хочет спеть для него песню. И спросила, какая песня ему нравится. Мамушкин долго мучился от того, что все на него смотрели, потом набрался духу и выпалил: “Синий платочек”».

Так Вадим Кожевников описывал в газете «Красноармейская правда» концерт эстрадного ансамбля, который состоялся в июне 1942 года в одной из частей Западного фронта. Дело в том, что артисты фронтовых бригад широко применяли оправдавшую себя форму посвящения номеров программы отдельным отличившимся бойцам.

Певица, о которой идёт здесь речь, это народная артистка Советского Союза Клавдия Ивановна Шульженко. Сейчас трудно подсчитать, в скольких частях побывала Шульженко. Известно лишь, что только за первый год войны ансамбль, которым руководила она и В. Коралли, дал в частях Ленинградского фронта пятьсот концертов. В каких только условиях не приходилось выступать! И на кузове грузовика, и на опушке леса, и в полуразрушенном сарае.

В репертуаре Шульженко было много песен. Но где бы она ни выступала, бойцы всегда просили её спеть «Синий платочек»!

История этой песни начинается в 1940 году, когда в Москву приехал на гастроли Белостокский джаз-оркестр. Он привёз много новых для столичного слушателя песен и среди них – «Синий платочек» (музыку сочинил один из руководителей коллектива Георгий (Ежи) Петербургский – автор многих известных в то время танго, а слова – московский поэт Я. Галицкий).

**Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала
И обещала
Синий платочек сберечь...**

Эта незатейливая песенка понравилась москвичам, имела успех. Но это была песня мирных дней, и когда началась Отечественная война, трудно было предположить, что «Синий платочек» встанет в строй боевых песен. Вероятнее всего, он разделит бы недолговечную судьбу многих подобных песенок, вскоре сошёл со сцены, если бы не Клавдия Шульженко.

Как-то весной 1942 года артистка со своим ансамблем выступала в гвардейской части генерала Н.А. Гагена на легендарной «Дороге жизни». Здесь она познакомилась с сотрудником газеты «В решающий бой» 54-й армии Волховского фронта лейтенантом Михаилом Максимовым.

- Узнав, что я пишу стихи, – вспоминал Максимов, – Клавдия Ивановна попросила меня написать новый текст «Синего платочка». «Песня популярна в народе, – сказала она, – у неё простая запоминающаяся мелодия. Но нужны другие слова, которые бы отражали сегодняшний день, нашу великую битву с фашизмом. Тогда песня будет нужна армии». Предложение Шульженко взволновало начинающего журналиста. Он только два месяца работал в газете, а до этого воевал политруком батареи отдельного артиллерийского пулемётного батальона. Писать песни ему никогда не приходилось. Однако... Максимов сочинял всю ночь, а утром показал свой текст «заказчику».

- Мне сразу понравились простые, берущие за душу слова, – говорила Шульженко. – В них было много правды. У каждого из защитников нашей Родины, у каждого воина есть одна родная женщина, самая любимая, близкая и дорогая, за горе, страдания, лишения, за разлуку с которой он будет мстить врагу. «Строчит пулемётчик за синий платочек, что был на плечах дорогих!».

И вскоре я уже пела фронтовой «Синий платочек» для своих слушателей. С тех пор песня эта навсегда осталась в моём репертуаре.

Впервые «Синий платочек» на слова Максимова с огромным успехом прозвучал на концерте для военных железнодорожников депо Волхов 12 апреля 1942 года. Певица и поэт были награждены невиданным во фронтовых условиях подарком – куском торта и стаканом клюквы! С новым текстом «Синий платочек» и вошёл в историю песен Великой Отечественной войны.

Вот один характерный эпизод тех незабываемых дней. Многими боевыми подвигами известен был во время войны 4-й гвардейский истребительный полк ВВС Краснознамённого Балтийского флота, прикрывающий с воздуха «Дорогу жизни». В этой части выступала Клавдия Шульженко. После концерта лётчик гвардии капитан Василий Голубев сказал ей:

- Земной поклон за ваше искусство, за душевные песни. Ваш «Синий платочек», Клавдия Ивановна, будет с нами во всех боях, и первый же сбитый нами «юнкерс» или «мессер» мы посвятим вам.

Ждать Шульженко пришлось недолго. На следующий же день Василий Голубев сбил фашистского «мессершмитта». И снова артистический автофургон прибыл в расположение авиационной части. И снова звучит «Синий платочек». На сей раз пять раз подряд!

- Песни Шульженко, как снаряды и патроны, были нужны нам в бою. «Синий платочек» и сейчас с нами – на всю жизнь! – так скажет тридцать лет спустя Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В.Ф. Голубев.

«Синий платочек»

**Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала и обещала
Синий платочек беречь.**

**И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной,
Знаю, с любовью ты к изголовью
Прячешь платок голубой.**

**Письма твои получая,
Слышу я голос живой,
И между строчек синий платочек
Снова встаёт предо мной.**

**И часто в бой
Провожает меня облик твой.
Чувствую, рядом с любящим взглядом
Ты постоянно со мной.**

**Сколько заветных платочков
Носим в шинелях с собой!
Нежные речи, девичьи плечи
Помним в страде боевой.**

**За них, родных,
Желанных, любимых таких,
Строчит пулемётчик за синий платочек,
Что был на плечах дорогих!**

«Тёмная ночь»

Музыка Н. Богословского

Слова В. Агатова

Композитор Н. Богословский

Поэт В. Агатов

Трудно поверить, но эта песня, которую в дни войны знал каждый от мала до велика, родилась совершенно неожиданно. В 1942 году режиссёр Леонид Луков на Ташкентской киностудии снимал фильм «Два бойца». Картина рассказывала о крепкой фронтовой дружбе двух солдат – уральского сталевара Саши Свинцова и одесского сварщика Аркадия Дзюбина. Эти роли исполняли замечательные артисты советского кино Борис Андреев и Марк Бернес.

По замыслу постановщика фильм должен был сопровождаться только симфонической музыкой. Но по ходу съёмки Луков почувствовал, что без песни не обойтись. «Понимаешь, не получается у меня никак сцена в землянке без песни», – признался он композитору Никите Богословскому, который писал музыку для фильма. И режиссёр стал объяснять, какой представляется ему эта песня и почему она здесь нужна.

- Луков так зримо обрисовал ситуацию, – вспоминал композитор, – так ярко передал чувства героев, их внутреннее состояние, так взволнованно и талантливо рассказал тему песни и её настроение, что произошло чудо: я сел к роялю и сразу, без остановки, сыграл ему мелодию будущей песни, которая и вошла потом в фильм без единого изменения. Случай в моей практике – небывалый. Песня пришла сама, откуда-то из глубины сознания.

Быстро и удачно сложились стихи на эту музыку и у поэта Владимира Агатова. Они понравились всем.

Фильм «Два бойца» был закончен в октябре 1943 года. Но уже до этого «Тёмная ночь» стала широко известна.

- Ещё до окончания съёмок меня направили на фронт для помощи фронтовым ансамблям, – рассказывает Н. Богословский. – К моему удивлению, сразу по прибытии в армию я повсюду слышал «Тёмную ночь», непонятно как сюда попавшую. И только потом выяснил, как это произошло. Дело в том, что я, обуреваемый нетерпением, легкомысленно показал песню своему давнему другу Леониду Утёсову, не предупредив, что она из неготового ещё фильма, и он стал петь «Тёмная ночь» повсюду, а в первую очередь на фронтах, куда часто выезжал с концертами.

Песню из фильма «Два бойца» исполнял И.С. Козловский и многие другие мастера. Но в нашей памяти она неразрывно связана с именем замечательного интерпретатора песен советских композиторов народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии СССР Марка Бернеса.

Когда фильм «Два бойца» вышел на экраны, выдающийся советский кинорежиссёр Всеволод Пудовкин писал в «Правде»: «Композитора Н. Богословского поблагодарят, вероятно, не только режиссёр за слитность его работы с поэтическим замыслом, но и те многочисленные зрители, которые, несомненно, будут распевать его мелодии». Пудовкин оказался прав. «Тёмная ночь» получила всеобщее признание. Её пели везде – на фронте и в тылу, пели пехотинцы и моряки, партизаны и десантники, рабочие и колхозники.

С тех пор, как создан фильм, прошло [почти 80 лет]. И конечно, картина эта, когда-то пользовавшаяся большим и заслуженным успехом, сейчас уже редко идёт на нашем экране. Но песню из фильма распевают и поныне.

«Тёмная ночь»

**Тёмная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают.
В тёмную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.**

**Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами!
Тёмная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная чёрная степь пролегла между нами.**

**Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня тёмной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою.
Знаю, встретишь с любовью меня, чтоб со мной ни случилось...**

**Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится...
Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь.
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!**

«Песня доваторцев»

Музыка В. Мурадели

Слова И. Кармазина

В.И. Мурадели

Генерал-майор
Л.М. Доватор

«Великий подвиг его – пример беззаветного служения Советской Родине и верности воинскому долгу». Эти слова высечены на постаменте памятника, установленного в подмосковной деревне Палашкино, Герою Советского Союза генерал-майору Льву Михайловичу Доватору.

В августе – сентябре 1941 года кавалерийская группа под командованием Доватора прорвала оборону противника и совершила глубокий рейд в его тылы. Конники наносили мощные удары по вражеским коммуникациям, уничтожали штабы, живую силу, склады, боевую технику. Две недели продолжался этот дерзкий рейд по районам Смоленщины.

Удачно завершились и рейды по тылам врага 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в дни нашего контрнаступления под Москвой. Конники Доватора преследовали отступающие части, громили его оборону.

19 декабря 1941 года в бою на подступах к реке Руза командир корпуса генерал-майор Доватор был сражён вражеской пулей...

Ныне имя легендарного героя носит одна из московских улиц, ему воздвигнуты памятники, о нём написаны книги. А композитор Ваню Мурадели прославил генерала Доватора в песне. Она родилась после встречи с его боевыми соратниками – конниками-гвардейцами. «Мои новые знакомые, – вспоминал Ваню Ильич Мурадели, – были сначала не очень словоохотливыми, рассказывать о себе не хотели. Но когда речь зашла о любимом генерале, их красноречию мог бы позавидовать любой оратор. Волнуясь и перебивая друг друга, говорили они мне о том, какой замечательный, храбрый и самоотверженный воин, какой близкий друг и товарищ бойцов был молодой генерал Доватор».

Да, о таком человеке, о таком полководце, о его боевых сражениях нужно написать песню! Но где взять текст? «Как только я сказал об этом, – продолжал В. Мурадели, – сразу, как по команде, несколько человек достали из кармана свёрнутые вырезки из газет и протянули их мне. Это оказалась “Песня доваторцев”, написанная на фронте политруком Иваном Кармазиным и напечатанная во фронтовой газете “За честь Родины”. На этот текст я и написал песню».

Композитор отвёз песню на фронт, к тем, кому она была посвящена. Её первыми исполнителями стали конники-доваторцы, а Мурадели помог им разучить своё новое сочинение:

**Сквозь леса дремучие, с песнею весёлою,
С острыми клинками, на лихих конях,
Двигутся кубанцы, казаки-гвардейцы,
Чтоб сразиться доблестно с немцами в боях.**

В.И. Мурадели с гордостью вспоминал, что за «Песню доваторцев» приказом командования ему была объявлена благодарность и вручён гвардейский значок.

«Песня доваторцев»

**Сквозь леса дремучие, с песнею весёлою,
С острыми клинками, на лихих конях,
Двигутся кубанцы, казаки-гвардейцы,
Чтоб сразиться доблестно с немцами в боях.**

Припев:

**Эх! Бей, кубанцы, руби, гвардейцы!
Рази фашистов подлых, пощады не давай!
На победу славную, на защиту Родины
Нас водил Доватор, любимый генерал!**

**С именем Доватора, полководца смелого
Грозною лавиною на врага мы шли.
Где прошли доваторцы – казаки кубанские,
Гитлеровцев полчища смерть себе нашли.**

**Славными победами мы свой путь отметили,
Били мы фашистов, бьём и будем бить
Пушками, гранатами, миной, автоматами,
Пулемётом «Максима» и клинком рубить.**

«Песня о бушлате»
Музыка Б. Терентьева
Слова Н. Флёрова

Композитор Б. Терентьев

Поэт Н. Флёров

Среди воинов, участвовавших в сражениях на полях Подмосковья, было немало моряков. Вот один из эпизодов, о котором рассказывает в своих воспоминаниях бывший начальник штаба 20-й армии генерал-полковник Л. Сандалов.

... В боях за Красную Поляну 64-я морская стрелковая бригада (её прислал на защиту столицы Тихоокеанский флот) действовала вместе с танкистами. Танки прорвали оборону противника, и вслед за ними в атаку бросились краснофлотцы. Бежать было нелегко: мешал глубокий снег. Тогда все моряки сбросили с себя бушлаты и, несмотря на сильный мороз, в одних тельняшках с криком «ура» ринулись на штурм. Их дерзкая атака увенчалась успехом – много врагов было уничтожено, а остальные обратились в бегство. Характерный штрих: где бы ни воевали моряки, они никогда не расставались со своей формой – бескозыркой, тельняшкой и бушлатом. Такова морская традиция.

Матросскому бушлату и посвятил свои стихи Николай Флёров.

- Стихи «Бушлат» я начал писать в памятные дни битвы за Москву, – рассказывает поэт. – В этом великом сражении участвовали и краснофлотцы, вместе с другими воинами они стояли насмерть у стен столицы.

**От южных скал до крепостей Кронштадта
И до полярной северной земли
Мы в бескозырках и в морских бушлатах
Дорогой боя грозного прошли...**

Через некоторое время поэт получил назначение на Северный флот, в редакцию газеты «На боевой вахте». Здесь он в 1942 году встретился с композитором Борисом Терентьевым. Как-то Флёров прочитал ему «Бушлат». Стихи композитору понравились.

- Я почувствовал, что они созвучны времени, – вспоминает народный артист РСФСР Борис Терентьев. – Хотя говорили они об обычной матросской одежде, но на самом деле это были патриотические стихи, проникнутые любовью к Родине, верой в победу.

Композитор не раз ходил вместе с моряками в боевые походы. Это и помогло ему, когда он сочинял музыку, найти точные интонации будущей песни.

Вероятно, поэтому она пришлась североморцам по душе. «Песню о бушлате» запели и участники самодеятельных коллективов, и артисты фронтовых бригад. А когда её опубликовала «Комсомольская правда» и по радио исполнил Владимир Бунчиков, она получила широкое распространение.

- В 1943 году из Полярного на несколько дней приехали в Москву композиторы Евгений Жарковский и Борис Терентьев, - вспоминает заслуженный артист РСФСР В. Бунчиков. – Пришли они ко мне домой и принесли по новой песне: «Прощайте, скалистые горы» и «Песню о бушлате». Чудесные мелодии! С тех пор каждый раз, когда мне приходилось выступать на флоте, краснофлотцы просили исполнить эти песни.

Причину известности «Песни о бушлате», пожалуй, лучше всех объяснил руководитель Краснознамённого ансамбля, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР Борис Александров: «Простая, сердечная, очень мужественная и очень лиричная, она была без промаха, с первого прослушивания находя путь к сердцу людскому».

Песня о бушлате

**От южных скал до крепостей Кронштадта
И до полярной северной земли
Мы в бескозырках и в морских бушлатах
Дорогой боя грозного прошли.
И с той поры, с тех памятных походов
Я и на море и на берегу,
Как боевую славу мореходов,
Тебя, бушлат любимый, берегу.**

Припев:

**Поговорим с тобой наедине...
Ты был со мной в бою, в дыму, в огне.
Ты видел Севастополь,
Ты знаешь Ленинград,
Мой славный морской бушлат.**

**Я помню день: декабрьскою пургою
В бой за Москву шагал морской отряд.
Я ранен был. Друзья тогда тобою
Меня укрыли, дорогой бушлат.
И сразу мне теплей и легче стало.
Я сквозь дремоту слышал пушек гром,
И нам с тобою сердце подсказало,
Что всё вперёд к победе мы идём.**

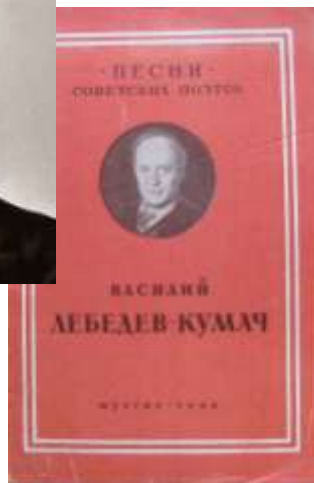
**Настанет день – военные метели
Утихнут над волной и над землёй.
Почистим мы бушлаты и шинели,
На праздник выйдем дружною семьёй.
Дойду и я до гавани далёкой,
Где ждёт жена и ждёт старушка-мать,
И лишь тогда подруге кареокой
С усталых плеч тебя позволю снять...**

«Только на фронте»

Музыка А. Лепина
Слова В. Лебедева-Кумача

Композитор
А. Лепин

Поэт
В. Лебедев-Кумач

Один из первых советских поэтов-песенников Василий Иванович Лебедев-Кумач в годы Великой Отечественной войны служил на флоте. Как-то в 1942 году он разговорился со случайным попутчиком – армейским капитаном.

- Песни пишете? – переспросил капитан. – Что же, дело хорошее... Но, откровенно говоря, бойцам сейчас, по-моему, не до песен... Сейчас надо не песни петь, а фашистских гадов бить!

Сказал, вероятно, не всерьёз, сгоряча, в пылу спора. Потому что не было на фронте человека, который бы не понимал, что значит для бойца песня, как нужна она на передовой, как помогает ему воевать. Так или иначе, но разговор этот очень взволновал Лебедева-Кумача, он принял его близко к сердцу.

- Как я с ним ни спорил, но убедить его, что мы, поэты, тоже вносим свой вклад в дело борьбы с врагом, не смог, – рассказывал он, вернувшись в Москву, композитору Анатолию Лепину.

Вновь переживая взволновавшую его встречу, Лебедев-Кумач тут же набросал строчки будущего стихотворения. Они начинались так: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне?».

- А через несколько дней, – вспоминал Лепин, – Василий Иванович принёс стихотворение. «Теперь, Анатолий, дело за вами», – сказал он мне. Видно, здорово задел его тот разговор с попутчиком...

Через неделю мелодия вчерне была готова. Ещё несколько дней на совместную доработку, и наконец песня «Только на фронте» вошла в строй действующих.

- Вот наш ответ тому капитану, который говорил, зачем, мол, нужны песни на войне! – сказал Лебедев-Кумач.

- Прямо надо сказать: ответ получился убедительный, весомый. Об этом можно судить хотя бы по тому, что новая песня Лебедева-Кумача приобрела широкую известность ещё до того, как была записана на пластинку в отличном исполнении Ефрема Флакса, ещё до того, как её начали передавать на радио. Так иногда бывает: произведение написано по частному поводу, но автор находит для обобщения такие образы, что они прокладывают верный путь к сердцам.

Поэту Николаю Флёрову, служившему в годы войны на Северном флоте, довелось услышать, как Лебедев-Кумач впервые знакомил со стихами «Только на фронте» североморцев. Поэт, окружённый моряками, стоял на палубе эсминца и читал:

**Кто сказал, что надо бросить
Песню на войне?**

**После боя сердце просит
Музыки вдвойне!**

Слова эти были правдой. Да, песня нужна была бойцу всегда, ибо она была всегда вместе с ним в одном ратном строю.

«Только на фронте»

**Кто сказал, что надо бросить
Песню на войне!**

**После боя сердце просит
Музыки вдвойне.**

Нынче у нас передышка.

Завтра вернёмся к боям.

**Что-то твой голос не слышно,
Друг наш, походный баян?**

**После боя сердце просит
Музыки вдвойне!**

**Кто сказал, что сердце губит
Свой огонь в бою?**

**Воин всех вернее любит
Милую свою!**

**Только на фронте проверишь
Лучше чувства свои.**

**Только на фронте измеришь
Силу и крепость любви.**

**Воин всех вернее любит
Милую свою.**

**Кто придумал, что грубеют
На войне сердца?**

**Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца!**

**В битвах за друга всю душу
Смело положат друзья.**

**Ни расколоть, ни нарушить
Дружбы военной нельзя!**

**Только здесь хранить умеют
Дружбу до конца.**

«За дальнею околицей»

Музыка Н. Будашкина

Слова Г. Акулова

Композитор Н. Будашкин

- Незадолго до войны я познакомился с молодым поэтом, сотрудником литературной редакции Московского радиокомитета Глебом Акуловым, – вспоминает народный артист РСФСР, лауреат Государственных премий СССР композитор Николай Будашкин. – Однажды он прочитал мне стихотворение «За дальнею околицей». Стихи понравились своей искренностью, любовью к русской природе, к родной земле:

**За дальнею околицей,
За молодыми вязами
Мы с милым, расставаяся,
Клялись в любви своей.
И было три свидетеля:
Река голубоглазая,
Берёзонька пушистая
Да звонкий соловей...**

Мне показалось, что из этого может получиться песня. Придя домой, я тут же сел за рояль, и почти сразу легко и свободно полилась мелодия...

Случилось так, что авторам в то время не удалось закончить песню. А когда грянула война, они оба добровольцами ушли на фронт: Н. Будашкин на флот, а Г. Акулов в танковые части.

«В годы Великой Отечественной войны, – пишет в своих воспоминаниях член Военного Совета Краснознамённого Балтийского флота Н.К. Смирнов, – у нас на Балтике действовала большая группа писателей, художников, композиторов, артистов. Написал слово “действовала” и подумал: не лучше ли сказать “работала”? Нет, именно действовала. Ведь литераторы и художники, музыканты и артисты пришли на действующий флот не как сторонние наблюдатели. Они пришли, чтобы действовать. Правда, они не стреляли из пушек и автоматов, но у них было своё, не менее грозное оружие». В группу творческих работников, обслуживавших моряков Балтфлота, вошёл и Н. Будашкин. Когда знакомишься с материалами того времени, приходится только удивляться, как в условиях блокады, при нехватке очень многого, Политуправление флота сумело наладить выпуск новинок песенной литературы. В те тяжёлые дни систематически выходили сборники «Песни Краснознамённой Балтики», открытки «Письма-песни», на одной стороне которых были начерчены линейки (для письма), а на другой – тексты новых песен. Более того, здесь даже выпускали пластинки с песнями для воинов!

Работая над новыми сочинениями, Будашкин вспомнил о своей незаконченной песне «За дальнею околицей». Но, может быть, сейчас не нужны немного грустные лирические строки о молодых влюблённых и трёх невольных свидетелях?.. Всё же композитор закончил песню и передал её «на пробу» в эстрадный оркестр Балтийского флота, которым руководил его ленинградский коллега Николай Минх. В текст были внесены некоторые изменения, вызванные событиями военных дней.

Премьера состоялась зимой 1942 года в осаждённом Ленинграде. Она показала, что сомнения автора были напрасны: песня полюбилась морякам, полюбилась ленинградцам. А вскоре мелодия, отпечатанная на серой оберточной бумаге, ушла в жизнь. Вышла и пластинка в отличном исполнении певицы Зои Рождественской.

Остаётся только добавить, что автору стихов не суждено было услышать свою песню. Боец Глеб Акулов пал смертью храбрых в июле 1941 года в одном из первых танковых боёв Великой Отечественной войны. Но написанные им стихи живут и поныне в чудесной песне.

«За дальнею околицей»

За дальнею околицей,
За молодыми вязами
Мы с милым, расставаяся,
Клялись в любви своей.
И было три свидетеля:
Река голубоглазая,
Берёзонька пушистая
Да звонкий соловей.

Уехал милый надолго,
Уехал в дальний город он.
Пришла зима холодная,
Мороз залютовал.
И стройная берёзонька
Поникла, оголённая,
Замёрзла речка синяя,
Соловушка пропал.

Пропали три свидетеля –
Три друга у невестушки,
И к сердцу подбирается
Непрощеная грусть,
А милый мне из города
Всё пишет в каждой весточке:
«Ты не тоскуй, любимая,
Я скоро возвращусь».

Промчатся вьюги зимние,
Минуют дни суровые,
И всё кругом наполнится
Весёлою весной,
И стройная берёзонька
Листву наденет новую,
И запоёт соловушка
Над синею рекой.

**Беседа основана на материалах из
книги «Друзья-однополчане» :
рассказы о песнях, рождённых
войной : мелодии и тексты / Автор-
составитель А. Луковников. – 3-е изд.,
доп. – Москва : Музыка, 1985. –
256 с. : ил.**

Автор-составитель беседы -
главный библиотекарь отдела
музыкально-нотной литературы
Воронежской областной универсальной
научной библиотеки
имени И.С. Никитина
Левина Елена Ивановна.